

591

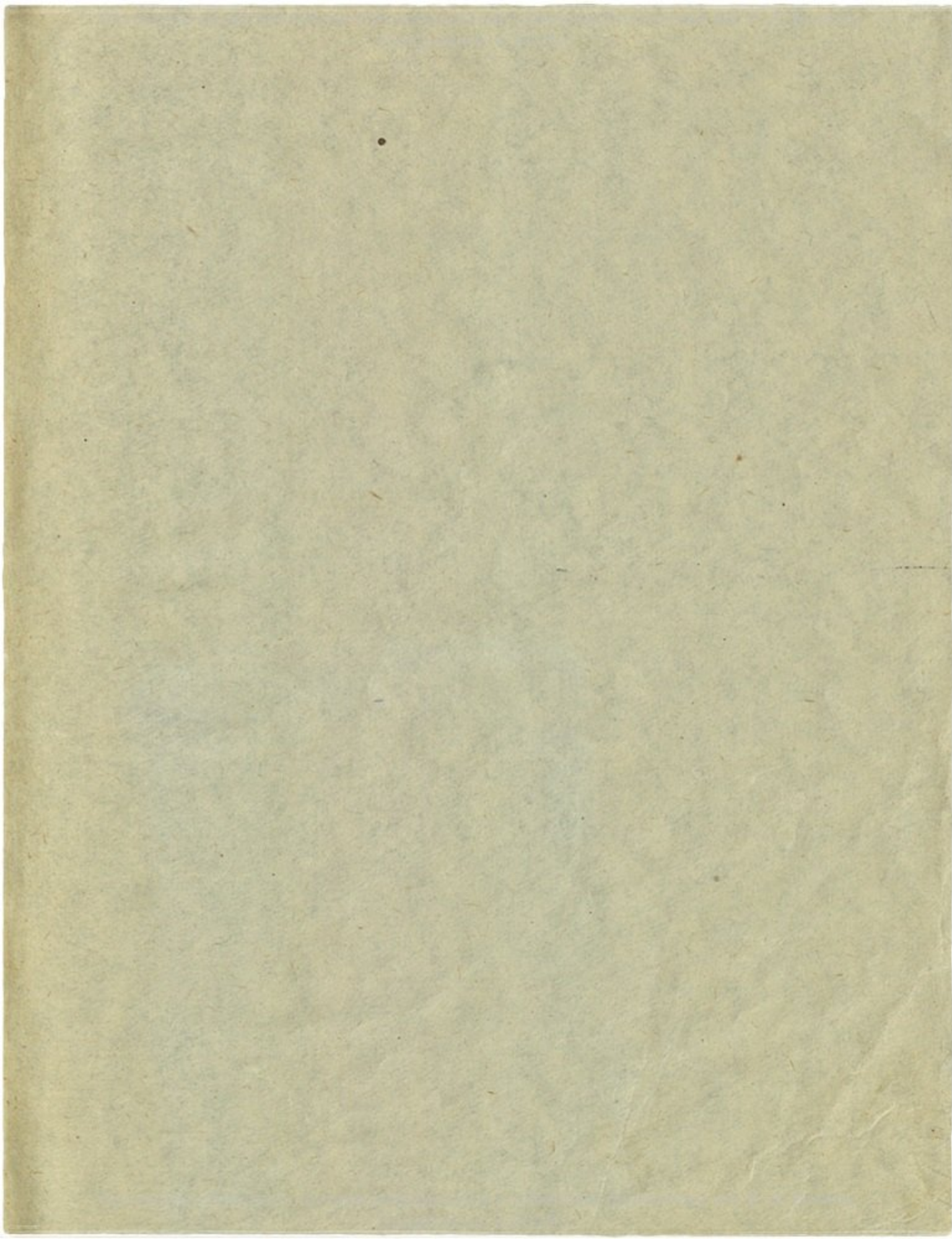
А. П. ЕРМОЛОВ
В 1827. В ГОСТЯХ У
МОЕГО ОТЦА В ОРЛЕ

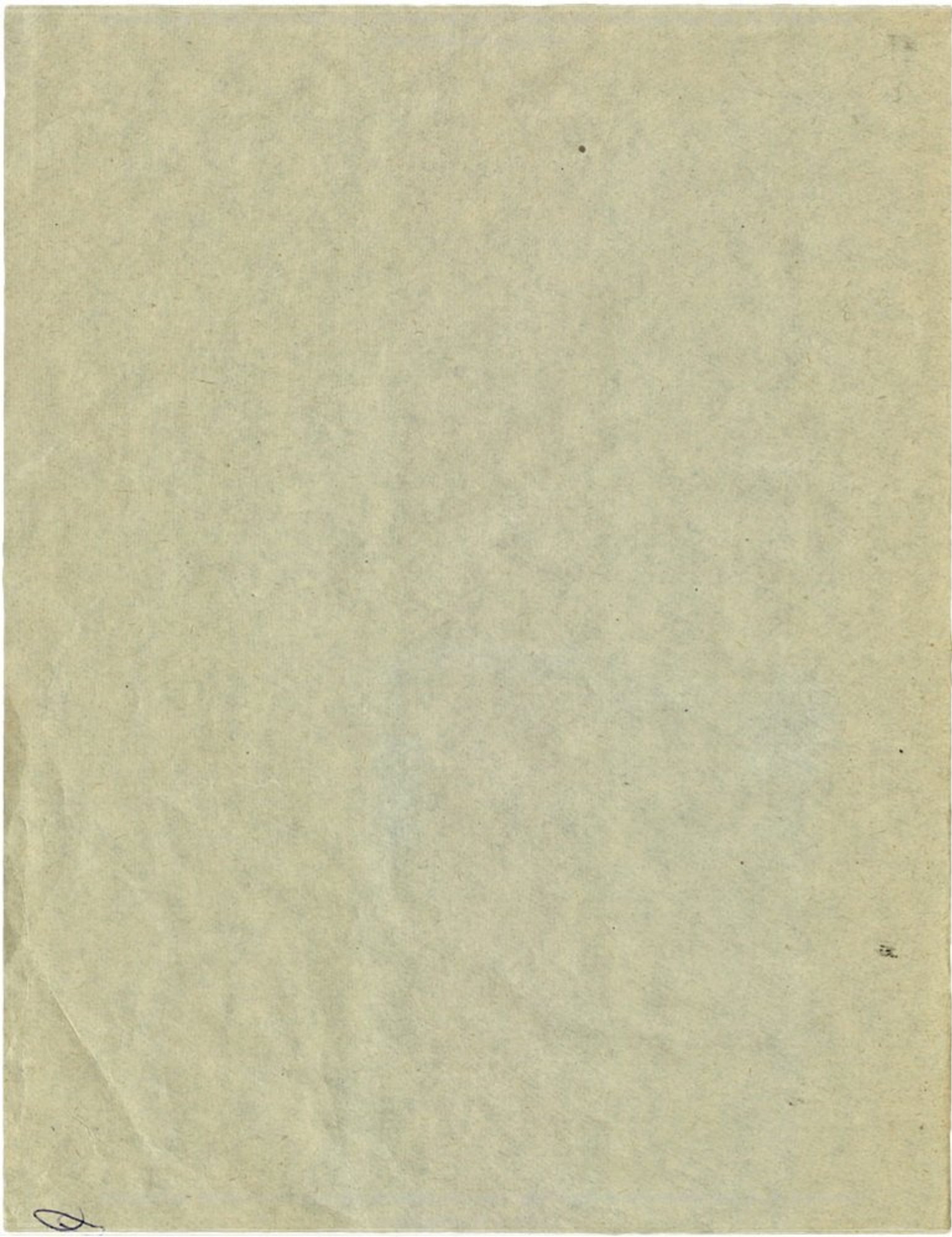
В. Бурнашев.

— • —

ms (18)

01

K 9(c137)
591

КРАСНОДАР
2009

251468

+
697152

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ИЗДАНИЕ
ИЗД. Л. Д. А. 1990

CH. J. BURRILL
BOOK

221122

T
Y
H
E
T
U
I
E
N
C
E
H
I
T
I
C
A
N
N
E
C
H
C
N
E
T
H
H
C
H
O
G
E
S

А. П. ЕРМОЛОВЪ ВЪ 1827 ГОДУ ВЪ ГОСТЯХЪ У МОЕГО ОТЦА ВЪ ОРЛѢ.

(Изъ «Воспоминаній Крайней Юности ПЕТЕР-
БУРГСКАГО СТАРОЖИЛА»).

Мой отецъ еще при бывшемъ министрѣ внутреннѣхъ дѣлъ О. П. Козодавлевѣ (который умеръ, кажется, въ 1818 году) былъ сдѣланъ начальникомъ казуфактурнаго отдѣленія въ департаментѣ мануфактуръ и внутренней торговли; этотъ департаментъ впоследствии перешелъ въ министерство финансовъ къ графу Д. А. Гурьеву, по смерти котораго, въ 1823 или 1824 г., министромъ финансовъ сдѣлался Е. Ф. Канкринъ, въ то время генералъ-лейтенантъ, никогда не бывавшій въ сраженіяхъ, въ качествѣ генералъ-интенданта арміи, но любившій употреблять выраженіе: «Нашъ братъ, военный человѣкъ». Въ 1825 году, какъ теперь помню, отца моего въ его казенной квартирѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ домѣ Висконти (въ Сергіевской улицѣ на углу, такъ называвшагося тогда, Неллиевскаго переулка, отъ дома сенатора Неллиева, впоследствии купленнаго вдовъ утилице правовѣденія) посѣщавъ весьма часто и оставался иногда въ кабинетѣ отца до поздней ночи высокимъ, худощавымъ, смуглымъ, крѣпко снати-вавшимъ на испанца или на шавра, французскій подданный, господинъ де Кастелла. Французское происхожденіе этого довольно величественнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ необыкновенно живаго и дѣло стремительнаго джентльмена послѣ печати того аллента, какимъ отличался говоръ обитателей южной Франціи съ весьма твердыми и рѣзкими удареніями. Бесѣды г. Кастелла съ нами отнехъ были главнымъ предметомъ — введеніе правильного шелководства въ Грузію, гдѣ шелководство существуетъ съ незапамятныхъ временъ, но производится самымъ грубымъ и варварскимъ образомъ, почему Кастелла хлопоталъ, по-видимому, о томъ, чтобы ему предоставлены были въ разныхъ мѣстахъ участки земли, на которыхъ онъ могъ бы развести и свое тутовое дерево, и своего червя и дѣлать за всѣмъ этимъ уголъ чрезъ своихъ работниковъ и ра-

ботницъ, причемъ онъ обязывался на свой же счетъ выстроить шелководчальни и другія, приспособленныя, къ этому дѣлу, заведенія. Помню, что послѣ безчисленныхъ вечеровъ, проведенныхъ г. Кастелла у моего отца, когда громкій голосъ его, несшійся изъ кабинета, гремѣлъ по всѣмъ обширнымъ комнатамъ нашей квартиры, прожекторъ этотъ оставилъ Петербургъ и уѣхалъ на Кавказъ, снабженный изъ департамента официальными отношеніями, за подписью министра, къ главнокомандовавшему тогда на Кавказѣ генералу Ермолову, имя котораго въ тѣ времена было на устахъ всѣхъ и каждого. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, г. Кастелла, помню, наканунѣ этого дня, обѣдалъ у моего отца, и тогда то я его въ особенности подробнѣе видѣлъ и слышалъ. Съ восторженностью провансалеца, помню, онъ говорилъ о своемъ предпріятіи и хотѣлъ, совмѣстно съ шелководствомъ, развести множество другихъ полезныхъ отраслей народнои промышленности на Кавказѣ.

— «Nous ferons de la Géorgie le paradis terrestre de l'empire russe!» (Мы изъ Грузіи сдѣлаемъ земной рай русской имперіи!) восклицалъ онъ, бросая свои пламенные взгляды направо и на лѣво.

Въ январѣ 1826 года отецъ мой получилъ отъ этого восторженнаго господина Кастелла письмо изъ Тифлиса. Провансалецъ былъ въ восхищеніи отъ пріема, сдѣланнаго ему генераломъ Ермоловымъ, и отзывался, какъ теперь помню, въ письмѣ своемъ о знаменитомъ кавказскомъ героѣ такъ: «Comme général, sa réputation est faite depuis longtemps; mais il est admirable comme administrateur. Et quel homme adorable, ah!, monsieur, quel homme, ce général à tête de lion et à coeur de bronze!...» (Какъ военачальника, репутація его сдѣлана давно; но онъ удивителенъ какъ администраторъ. И какой, обожаемый достойный человѣкъ. Ахъ! величественный государь, что за человѣкъ этотъ генералъ съ львиною головою и съ бронзовымъ сердцемъ!). Впоследствии, гораздо уже позже, живя и служа въ Орлѣ, отецъ мой узналъ стороной, что Кастелла съ Кавказа пробрался въ Одессу, ѣздилъ во Францію, привезъ оттуда нѣсколькихъ французовъ въ Тиф-

лись, началъ свое дѣло съ горячностью; но сдѣлался жертвою какой-то мѣстной болѣзни, и, бѣднага, умеръ, не успѣвъ привести въ исполненіе своего предпріятія—превратить Грузію въ земной рай русскаго царства.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1826 года, какъ я имѣлъ случай говорить не разъ, мы пріѣхали въ Орелъ, гдѣ отецъ мой служилъ вице-губернаторомъ, о чемъ я упоминалъ уже въ моихъ статьяхъ: «Уланъ Клеронъ» и «Встрѣча на ставнѣ съ Аракчеевымъ» («Бирж. Вѣд.»). Въ первой изъ этихъ статей я ошибся въ годѣ, когда А. П. Ермоловъ пріѣхалъ въ Орелъ, сказавъ, что это было въ 1826 году, тогда какъ это было лишь въ 1827 г. *) Дѣйствитель-

*) Эти ошибки совсѣмъ другого рода чѣмъ тѣ, которыми въ статьяхъ моихъ отыскиваютъ тѣ жалкіе людочки, которые, какъ магометане, ведущіе свое лѣтосчисленіе отъ эждры или бѣгова Магомета въ Мекку, ведутъ всю свою хронологію по кинусамъ гвардейской юнкерской школы, почему, ничего другаго кромѣ годовъ и эпохъ этихъ кинусовъ не зная, эти близорукіе критики считаютъ доказать, что описанный мною въ статьѣ моей: «Эпизодъ изъ бальнаго сезона 1835 года» не могъ быть въ январѣ, а разлѣ въ декабрѣ того года, потому что М. Столицинъ былъ произведенъ въ офицеры изъ юнкеровъ не вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ 1834 году, а во второй половинѣ 1835 года и могъ быть на балѣ дворцоваго собранія или въ декабрѣ 1835 года или въ январѣ 1836 года. Охотно признаю заиѣту этихъ хронологовъ, я буду считать мой эпизодъ, совершившимся въ январѣ 1836 года, отъ чего суть дѣла несколько не измѣняется и вслѣдъ тотъ въ концѣ хоть крошка смысла есть, понимать, что не легко запоминать съ точностью на память всѣ возможные числа и даты. Точно такъ, какъ эта суть несколько не измѣнится, если вмѣсто, наприм., графини Мердвичевой въ томъ же разсказѣ, по соображенію моей памяти, туда покажется, фигурировать тамъ будетъ хоть графиня Владекъ, графиня Сиверсъ, или другая тогдашняя барыня знакомая матери моей quasi-кузини, существованіе которой. (это ужъ до немнѣвности забавно и даже мѣлко!), какъ я узналъ, какой-то несчастный quasi-писатель отвергаетъ на столбцахъ нѣкоей газеты, читаемой, не смотря на печатаемый въ ней романъ въ рѣвнистѣ Роканболу сомнѣнія русскаго Понсон-дъ-Террайла, положительно лишь ей редакторомъ-надателемъ, да корректоромъ и обоня крайне небрежно, потому что кнате она, эта нѣкая газета, не изобилуетъ бы такими несправедливыми ошибками, какъ въ типографскомъ, такъ еще болѣе въ редакціонномъ отноше-

В. П.

но, ошибка крупная и для меня прискорбная, тѣмъ болѣе, что ежели я, не полагаясь на званскіе, веденныя на листкахъ календаря 1826 года о событіяхъ 1827 года, заглянулъ бы хоть въ плохенькій «Справочный словарь» г. Старчевскаго, то не впалъ бы въ эту досадную ошибку, восхищающую нѣкоторыхъ лажальщиковъ. Но все-таки фактъ тотъ, что въ первый разъ въ моей жизни я видѣлъ величественную фигуру А. П. Ермолова въ домѣ полковника А. А. Бестужева послѣ тиръ д'арна, бывшаго у послѣдняго. До этого дня недѣля за двѣ только А. П. Ермоловъ пріѣхалъ изъ Грузіи въ орловскую подгородную деревню своего отца Петра Алексѣевича, и оттуда въ пошевняхъ на двушальной тройкѣ прискакалъ однажды въ Орелъ, гдѣ сдѣлалъ на-скоро нѣсколько визитовъ, изъ которыхъ каждый длился не долго, минутъ 10—15 не больше. Такой-то визитъ былъ и мнѣ сдѣланъ и моему отцу, поутру часу въ одиннадцатомъ. Онъ тогда сказалъ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ фразъ, входящихъ въ тогдашнія свѣтскія вокабулы и, сѣвшись, рекомендовалъ себя, какъ неумѣлаго прикащика у свѣдущаго помѣщика-винокура, т. е. его старика отца, дѣйствительно, какъ въ то время всѣ говорили, превосходнаго хозяина. Мнѣ въ этотъ разъ не удалось видѣть знаменитаго кавказскаго героя, о которомъ я уже въ ту пору такъ много читался и стиховъ и прозы, а въ особенности стиховъ Жуковскаго и другихъ его пламенныхъ воспѣвателей. Я никогда такъ не сѣтовалъ на урокъ математики, какъ въ этотъ разъ, потому что безплодно и безтолковое зубреніе логарифмовъ по таблицѣ Каллета, лишило меня въ этотъ часъ наслажденія видѣть и слышать знаменитаго Ермолова.

За тѣмъ ужъ когда мнѣ удалось видѣть «безсмертнаго мужа», какъ я въ моемъ дѣтскомъ восторгѣ и увлеченіи его всегда именывалъ, послѣ бестужевскаго тиръ д'арна, на которомъ мнѣ случайно привелось уронить рапиру въ руки опытнаго бойца **), я былъ весь

*) Надо быть круглымъ невидимомъ въ фехтовальномъ дѣлѣ, такія невидимыя, какъ въ иеримирѣ, въ этотъ по седьмому недѣльный фельетонистъ

внимавіе, глядя на величественную и характерную физиономію этой истинно-львиной, тогда еще во всей силѣ мужества бывшей, головы человека громко - исторического. Опять я горевалъ тогда, что это лицезрѣніе не могло быть продолжительнѣе. Впрочемъ, и этого четверти часа было вполне достаточно для того, чтобы я силою свѣжей впечатлительности 14—15 лѣтняго юноши, какинъ я тогда былъ, усвоилъ въ моей памяти всѣ черты лица, всю игру физиономіи, все выраженіе глазъ этого тогдашняго «героя» не только моего, но героя почти всего русскаго общества, какъ бы утѣшавшаго его своими симпатіями въ горькіе дни его опалы. Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ: а умѣй я владѣть кистью или пастельными карандашами, я непремѣнно могъ бы, кажется, и теперь возсоздать на память портретъ Ермолова въ томъ видѣ, какъ въ 1827 году я видѣлъ его въ Орлѣ, еще сильнаго, бодрого, величественнаго, широкоплечаго, широкогрудаго, почти безъ шеи, съ массою густыхъ темныхъ съ сребристою просѣдою волосъ, вѣнчавшихъ морщинистое, открытое, высокое чело. Въ скронномъ синемъ фракѣ, съ солдатскимъ Георгиемъ въ петлицѣ, хотя онъ былъ кавалеромъ этого ордена 2-й степени даже, — Ермоловъ всегда былъ тотъ, при встрѣчѣ съ которымъ, вовсе не знавшіе его люди, невольно обнажали головы и отъ всей души ему кланялись.

воскресныхъ нумеровъ. „Голоса“, чтобы удивляться тому, что 14 лѣтній мальчикъ, задѣвъ мучкою своей рапиры эфесъ рапиры, слабо держанной рукою опытнаго противника, уронилъ эту рапиру. Это случай, а не плодъ искусства. Полковникъ Бестужевъ въ 1827 году не ожидалъ, что почти ребенокъ знаетъ фортели фехтовальнаго дѣла, и, шутя дѣлалъ фальшь-атаку, небрежно держа эфесъ рапиры, которая самими естественнымъ образомъ, выпала изъ его мощной руки, когда его юный противникъ, зная штуку вриеха, пустивъ свою полосу стали очень быстро, и впрямь по посѣдовалъ слишкомъ крѣпкій ударъ мучкованнаго конца рапиры въ ободъ эфеса. Надо бы было быть комѣдиантомъ, чтобы вслѣдствіе этого случая, считать себя мастеромъ фехтовальнаго дѣла, равнымъ Севербиту, Вальтеру, Брису, Гомбергу и пр.

В. В.

Нѣсколько дней спустя послѣ тиръ д'арма у полковника Бестужева, въ огромной залѣ вице-губернаторскаго казеннаго дома, занимаемаго нами отцемъ въ Орлѣ, — разъ въ какой то праздничный день, по возвращеніи изъ архіерейской церкви, отецъ мой, не освободившійся еще отъ своего фюрхенаго фрака и всѣхъ орденовъ, — внимательно разсматривалъ, разложенную на нарочно устроенныхъ вдоль оконъ, доскахъ на козлахъ, только что изготовленную губернскихъ землеустроительную карту Орловской губерніи съ самыми наипончайшими подробностями, въ особенности рельефо выражавшими всѣ казенныя нѣвныя, находившіяся тогда въ управленіи казенныхъ палатъ, лѣса, различныя угодья, мельницы, рыбныя ловли и пр. Тутъ же вездѣ яркою краскою отиѣчены были винокуренныя заводы, питейныя склады и питейные дома. Отецъ въ очкахъ, при помощи еще лупы, разсматривалъ все это, и пояснялъ мнѣ всѣ топографическіе знаки. Сколько помню, это созерцаніе и поясненія моего родителя не доставляли мнѣ большого наслажденія, какъ вдругъ въ залу изъ прихожей быстрой рысцою вылетѣлъ камердинеръ моего отца, Левъ Илатовъ, и громкимъ шепоткомъ просвисталъ: «его высокопревосходительство генералъ отъ инфантеріи Александръ Петровичъ Ермоловъ». — Едва кончили эти слова, какъ въ залу твердыми шагами бодро вошелъ тотъ мой и, повторяю, тогда почти общій, герой, къ которому я чувствовалъ сильнѣйшее, неудержимое влеченіе, доходящее до страсти и обожанія.

— «А я, Петръ Александровичъ, говорилъ Ермоловъ моему отцу, пріѣхалъ къ вамъ сказать вамъ мое искреннѣйшее, отъ души, русское, солдатское «спасибо» за тотъ совѣтъ, что напередѣ у Бестужева вы мнѣ дали на счетъ батюшкиной винокурни. Не даромъ говоритъ пословица: «дѣло мастера боится», такъ и вышло: устроили мы по вашей опытному указанію, и не нарадуемся теперь. Спасибо, спасибо!»

Отецъ мой выразилъ свое удовольствіе, что мой совѣтъ послѣднимъ совѣтомъ въ дѣлѣ своей служебной деятельности былъ поводомъ его высокопревосходительству, и съ шепотомъ и

100
5 / 80

Орловская областная
БИБЛИОТЕКА
И. В. КИРИЛЛОВ

глазѣ гостя въ гостиную; но гость, обративъ вниманіе на чрезвычайно подробную карту Орловской губерніи, сказалъ:

— «Пожалуйста, Петръ Алексѣевичъ, безъ особенныхъ церемонностей. Мнѣ и тутъ прекрасно. Я охотно посмотрю нашу губернію на такой подробной, до мелочей, картѣ», и тотчасъ сѣвъ у карты, началъ ее внимательно разбирать, при чемъ немедленно нашелъ свою деревню по близости Орла. Онъ разсматривалъ всѣ тонкости и читалъ всѣ надписи простыми глазами легче чѣмъ отецъ, при помощи очковъ, а я лорнета.

— «Какое удивительное вы, Алексѣй Петровичъ, сказали мой отецъ, имѣете зрѣніе. Не даромъ васъ прозвали кавказскимъ орломъ, смотрящимъ прямо и на солнце, не моргая».

— «Солнце—гербъ Персія», улыбаясь замѣтилъ Ермоловъ. «Я глядѣлъ на это солнце, правда, очень зорко; не знаю, какъ глядѣть будутъ другіе. А въ самомъ дѣлѣ, я физически дальноворокъ необыкновенно, и эта дальноворокъ много еще усовершенствовалась въ моей боевой и полевой службѣ. Далеко видятъ горы; но мнѣ случалось перешагивать самыя зоркія изъ нихъ. Карта эта очень интересна, и ежели бы вашъ эллипсъ черезчуръ не задорожился, мнѣ хотѣлось бы имѣть для себя собственно такую же карту, но не всей губерніи, а только уѣзда, въ которой сидитъ наша деревушка».

— «До отъѣзда вашего высокопревосходительства въ Москву, куда, какъ слышно, вы собираетесь, говоривъ мой отецъ, — желаніе вамъ будетъ исполнено непременно: я за величайше наслажденіе и честь себѣ почту преподнести эту карту вашему высокопревосходительству».

— «Спасибо, улыбаясь Ермоловъ, но не

спасибо за титулованіе. Бога ради безъ этихъ высокопревосходительствъ! Терпѣть не могу! Да и не въ лицу это нашему брату отставнягѣ. А вотъ что я вамъ скажу, Петръ Алексѣевичъ, вѣдь, мы съ вами не съ сегодня знакомы, хотя на войнѣ въ германскихъ земляхъ намъ съ вами не случилось сталкиваться. Я знакомъ съ вами по слуху отъ человѣка, правда, энтузіастическаго, но добраго и честнаго малаго. Это французъ Кастела, который мнѣ всѣ уши прожужжалъ вашу фамилію, восклицая то и дѣло: «Oh! le chef de section, m-g Bourpacheff, en voila un homme capable!» (О! начальникъ отдѣленія, г. Бурнашевъ, вотъ способный человѣкъ!) Онъ, кажется, только что не молится на васъ, этотъ восторженный Кастела».

Отецъ мой видимо былъ доволенъ, что разговоръ принялъ это направленіе и сообщилъ Ермолову то, что провансалецъ писалъ ему изъ Тифлиса о tête de lion et coeur de bronze.

— Предпріятіе Кастелы, сказалъ серьезно Ермоловъ, дѣло важное для края, гдѣ все самою природою создано для производства правильнаго шелководства, да гдѣ только нѣтъ людей умѣлыхъ и одаренныхъ для этого достаточнымъ терпѣніемъ. Кастелѣ мы дали изрядные куски земли и помощи во всемъ, въ чемъ только могли помочь. Вся однако бѣда отъ слишкомъ впечатлительнаго и быстро воспріимчиваго характера сеньора Кастела, котораго надо сдерживать съ надлежащею осторожностью отъ его стремленій къ paradis terrestre. Онъ малый предобрый, полюбилъ меня, отдался мнѣ всею душою. Надо было видѣть, какъ онъ, чуждакъ, рыдалъ, словно истерическая барыня, когда я уѣзжалъ оттуда. Боюсь за его дѣло, боюсь, зная его характеръ и его увлеченія съ погоней ужъ не за двумя, а за десятью зайцами разомъ. Другому начальнику

4

недосугъ будетъ, за громозъ военной славы (Ермоловъ иронически улыбнулся) носиться съ этимъ, впрочемъ, очень полезнымъ иностранцемъ, какъ съ облупленнымъ яичкомъ. Оставленный на свой произволъ, самодурный провансалецъ какъ бы не прыгнулъ въ enfer terrestre (земной адъ), прежде чѣмъ сдѣлать что нибудь для paradis (рая).

Послѣ этого отецъ мой велѣлъ мнѣ принести изъ его кабинета атласъ съ подробною картою Россіи, потому что Алексѣй Петровичъ изъявилъ желаніе показать моему отцу на картѣ Грузіи тѣ мѣста, какія предоставлены были Кастелъ, для устройства на нихъ шелководственныхъ заведеній. Когда карта Грузіи, вынутая изъ сафьяннаго футляра всего атласа, была разложена, Ермоловъ, водя по ней пальцемъ, сказалъ, какъ бы ни къ кому не обращаясь:

— Сейчасъ видѣнъ аккуратный штейн-левскій квартирмейстеръ! Картографія, картографія!... А, я думаю, Петръ Алексѣевичъ, что въ цѣломъ богоспасаемомъ градѣ Орлѣ такой географическій атласъ только у васъ окажется. Я пари готовъ держать, что и въ гимназій такого нѣтъ.

— Нѣтъ теперь, замѣтилъ мой отецъ, но будетъ скоро: директоръ гимназій просилъ меня выписать одинъ экземпляръ отъ знакомаго мнѣ петербургскаго книгопродавца Ильи Ивановича Глазунова. Само собою разумѣется, что я презентую эту вещь гимназій, которой странно не имѣть у себя подробнаго географическаго атласа нашего отечества.

Алексѣй Петровичъ слегка карандашомъ, тутъ лежавшимъ, отиѣтилъ на картѣ тѣ мѣста, гдѣ должно было быть основано кастелевское шелководство. Тогда они съ отцемъ нѣсколько времени говорили довольно подробно объ этомъ предметѣ, употребляя много выра-

женій часто техническихъ и мнѣ вовсе незнакомыхъ, почему я положительно не могъ отдать себѣ отчета въ этомъ обиліи замѣчаній и сообщеній между бывшими администраторомъ края и бывшими высшими чиновникомъ мануфактурнаго управления. Вслѣдствіе этого я и не передаю всего этого технического разговора здѣсь, хотя теперь, 45 лѣтъ спустя, будучи самъ такъ достаточно знакомъ съ теоріею шелководственнаго производства, — я могъ бы «сочинить» эту бесѣду; но это значило бы оправдать то безсовѣстное, бездоказательное, невѣжественное и въ высшей степени невѣжливое, достойное только самыхъ грязѣйшихъ обществъ, глумленіе и обвиненіе меня во лжи, какое дозволилъ себѣ Нилъ Адмирари въ 224 № «Голоса», воскресный фельетонъ котораго, поведенію, пишется для самаго необразованнаго слоя россійской публики.

Послѣ этой бесѣды, — Ермоловъ взглянулъ на свои геликотовскіе часы въ видѣ толстой луковичи, и, возобновляя свою благодарность за совѣтъ, ему данный, всталъ и, говоря, что ему пора зайти еще мѣста въ два, простился съ отцемъ, причемъ похлопалъ и меня по плечу, сказавъ съ калою улыбкою:

— «Какой у васъ внимательный этотъ блондинчикъ. Который ему годъ?»

— «Пятнадцать съ, отвѣчалъ отецъ. Думаю въ будущемъ году везти въ Петербургъ».

— «Въ университетъ?» спросилъ Ермоловъ, уже надѣвая шубу въ прихожей.

— «Какъ случится, замѣтилъ отецъ, можетъ быть на службу. Лучше всякаго университета я думаю, ежели Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, очень ко мнѣ расположенный, приметъ его въ свою канцелярію комиссіи законовъ».

На Ермоловѣ была уже надѣта въ рукава пре-
большая надѣжная шуба, а на головѣ бѣлая па-

5

каха съ шелковистыми прядями. Через стѣну галереи видна была его великолѣпная мышастая длинногривая тройка кавказскихъ жеребцовъ, бегерѣливо стоявшихъ на морозцѣ и повертывавшихъ легкія пошеви, покрытыя нѣсколькими ярко-пестрыми тегеранскими коврами. Черезъ отворенную форточку стеклянной галереи я любовался этою очаровательною тройкою.

— «А будущій чиновникъ Сперанскаго, записывая Ермоловъ, видно очень коней любить: такъ и пожираетъ глазами мою тройку. Благо глаза у него не черныя, такъ глаза за нечего бояться».

— «Да и точно, замѣтилъ отецъ, тройка то ваша великолѣпнѣйшая! Она славится въ городѣ. Николай Михайловичъ Бороздинъ влюбленъ въ нее; а нашъ Неврождъ, Киреевскій, уверяетъ, что будь у него тройка такія чертей, онъ бы въ саняхъ арапками волковъ застѣкалъ».

— «Кони, ничего себѣ, ладные, сказалъ Алексѣй Петровичъ. Это чистѣйшіе карабахи; но карабахи-то именно той породы, которая годна столько же подъ сѣдло, какъ и въ оглобли. Я батюшкѣ моему, старичку, переслалъ въ разное время этихъ звѣрей косячка четыре. Плодятся толково, и, кажется, прокъ будетъ. Да и у васъ, Петръ Алексѣичъ, я замѣтилъ тройку саврасыхъ горбоносыхъ казанокъ, право, не лядию. Пріѣзжайте къ намъ когда нибудь въ наше захоluste, да и блондинчика-то заведите. До свиданія.»

Я смотрѣлъ въ форточку галереи, когда Ермоловъ сѣлъ въ пошеви, и рывая его тройка, проскакавъ полкруга по обширному двору, покрытому яркимъ снѣгомъ, — выпорхнула въ распахнутыя ворота на широкую, такъ называвшуюся, «Дворяцкую» улицу.

Послѣ этого я рѣшительно не помню, что-

бы я гдѣ нибудь встрѣчалъ или видѣлъ А. П. Ермолова, ежели не считать того, что въ 1855 году, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ, кажется, ополченія всей Россіи, ежели не ошибаюсь, онъ какъ-то разъ въ парныхъ саняхъ съ дышлою ѣхалъ по Обуховскому проспекту. Я тогда жилъ въ домѣ вольнаго экономическаго общества, и въ это время я на извожикѣ загнулъ за уголь своей 4-й роты Измайловскаго полка, выѣхавъ изъ дома, чтобъ ѣхать къ князю В. В. Долгорукову на Гагаранскую набережную. Глаза мои увидѣли нельконъ сѣдовласаго Ермолова въ ополченской шапочкѣ съ крестомъ и въ сѣрой шинелѣ съ бобрвыми воротникомъ. Помню, что въ этотъ разъ князь Василій Васильевичъ нѣ говорилъ: «J'ai eu aujourd'hui la visite du célèbre Ermoloff. Je tacherai de le faire diner chez moi et je vous inviterai absolument». (У меня сегодня былъ знаменитый Ермоловъ. Я постараюсь, чтобы онъ обѣдалъ у меня, и тогда непременно приглашу васъ).

Но предположеніе это какъ-то не состоялось: Ермоловъ скоро уѣхалъ въ Москву и не возвращался, кажется, больше въ Петербургъ до самой своей кончины. Будь же я такой выдумщикъ, какимъ прославляетъ меня почтеннѣйшій г. Нилъ Адмиралъ, старающійся, повидимому, тѣмъ радѣть дружкѣ своему г-ну Комарову, — само собою разумѣется, что нѣ ничего не стоило изобразить А. П. Ермолова у кн. В. В. Долгорукова, стенографировать вымышленную изъ бесѣды и впутать въ него ловко мою личность.

«Петербургскій старожилъ»

Влад. (Петр.) Бурнашевъ.

6

Орловская область
БИБЛИОТЕКА
ИМ. Д. К. КРУЖИ

697152

